

Автор: Н. Р. ДОБРУШИНА

ДОБРУШИНА Нина Роландовна - кандидат филологических наук, доцент Государственного университета - Высшей школы экономики. ndobrushina(a)hse.ru

Сегодня любая малая народность, находящаяся в контакте с большой цивилизацией, вероятно, находится под угрозой утраты собственного языка и культуры. В течение минувшего века исчезли или оказались на грани вымирания сотни языков - их носители под воздействием внешнего давления или чаще добровольно перешли на язык доминирующего сообщества. Каковы механизмы языковых сдвигов [см. 1], каковы социальные изменения, стоящие за переходом этноса на другой язык и отказом от собственной этничности? Эти изменения мы попытались изучить на примере социолингвистической ситуации в Арчибе - высокогорном селении Дагестана, жители которого до сего времени сохранили языковую и культурную изолированность. Небольшая численность арчинцев (около 1200 человек), обособленность их языка, архаичность культуры делают их интересным объектом для исследования. Для арчинцев, не обнаруживающих признаков утраты родного языка, характерны многоязычие (подавляющее большинство взрослых арчинцев свободно говорит на арчинском, аварском и русском языках) и полиэтничность - в XX в. они были записаны аварцами. Статья базируется на результатах социологического опроса и интервью, проведенных в Арчибе в 2005 и 2006 гг. (проинтервьюированы 60 человек). Исследовалось отношение арчинцев к аварскому языку и приписанной им аварской идентичности, проанализированы оценки, данные респондентами материнскому языку. Анализ развития социолингвистической ситуации в Арчибе обнаружил существенные изменения в отношении арчинцев к собственному языку и этничности, произошедшие на протяжении последнего столетия.

Арчинцы мало исследованы с этнографической точки зрения [2]. Языку повезло больше: в 1970-е гг. он стал объектом исследования группы лингвистов из МГУ под руководством А. Е. Кибрика [3]. Арчинский язык не обладает государственным статусом и не имеет собственной письменности. Это язык общения в семье (до семи лет арчинские дети практически не соприкасаются с другими языками, даже в младших классах), однако на нем не ведется преподавание в школе. На уроке родного языка в местной школе преподается аварский язык. Обучение в младших классах должно вестись на аварском языке, в старших - на русском. Таким образом, в семь лет арчинец сталкивается с необходимостью активно изучать два иностранных языка - аварский и русский (в средней школе добавляется английский). В результате большинство взрослых арчинцев владеет тремя языками: арчинским, аварским и русским, некоторые говорят также на лакском [см. 4].

С точки зрения языка арчинцы представляют собой весьма своеобразный этнос. Их язык генетически принадлежит к нахско-дагестанской семье языков, однако, согласно данным глоттохронологического анализа [5], от своих ближайших родственников - языков лезгинской группы - он отделился 3 - 4 тысячи лет назад. Таким образом, взаимное понимание между носителем арчинского языка и носителем любого другого языка лезгинской группы исключено - сходство между ними может быть установлено лишь путем глубокого лингвистического анализа. С другой стороны, прямые контакты между арчинцами и другими носителями лезгинских языков в обозримом прошлом

не наблюдаются, ибо территориально Арчиб расположен вне зоны распространения лезгинских языков. Ближайшими соседями арчинцев являются аварцы и лакцы - носители языков, находящихся в отдаленном родстве с арчинским (приблизительно такой же хронологической глубины, как родство русского языка и любого другого языка индоевропейской семьи - например, хинди). Об истории появления арчинцев в месте их сегодняшнего поселения ничего неизвестно.

О языковых контактах арчинцев. В XIX в. арчинцы контактировали преимущественно с *лакцами*. Арчиб входил в состав Казикумухского ханства. Знаменитый в Дагестане Кумухский базар был основным для арчинцев местом торговли. Из записанных нами рассказов следует, что еще в середине XX в. арчинцы ходили туда по пешеходной тропе. Это был основной путь, по которому можно было попасть в Арчиб. Регулярных же контактов с *аварским* населением на протяжении XIX в. не засвидетельствовано. Приведем отрывок из беседы с П. (ж., 1946 г.р.; здесь и далее по возможности сохраняются грамматические особенности русской речи респондентов):

Интервьюер (И): *Ваши деды, бабки знали аварский язык?*

Респондент (Р): Я не знаю, как они знали, но знали. Лакский больше, конечно. Редкие знали аварский язык. Но знали тоже плохо, конечно. Моей маме ровесницы - все знали. Потому что школа была тогда, в школу ходили.

И: *А вот до них...?*

Р: Нет, до них больше лакский знали. Даже в Кумухе многие жили, работали там.

И: *А с аварцами было какое-то общение тогда?*

Р: Нет, не было.

И: *А в Кумух на базар когда перестали ходить?*

Р: Мой отец умер в 53-м году... До 58-го года мама ходила на базар. Масло продавала. За это покупала всякие вещи.

Итак, в XIX в., помимо родного языка, для арчинцев было характерно знание лакского. В XX в. значимость контактов с лакцами стала падать, следствием чего явилась утрата владения лакским языком. По какой причине арчинцы перестали интенсивно контактировать с лакцами? С установлением советской власти, в 1929 г., был образован Чародинский район, в состав которого вошел Арчиб. Основное население района - аварцы. В начале 1930-х гг. в Арчибе открылась школа нового типа (прежние учебные заведения носили религиозный характер), в ней стали преподавать аварский язык. По-видимому, с этого момента начинается эпоха аварского влияния на арчинский народ. Среди наших респондентов (начиная с 1916 г.р.) не было ни одного, кто не говорил бы по-аварски, причем все опрошенные утверждают, что аварский выучили в школе.

В течение XX в. произошло еще одно изменение в социалингвистической ситуации Арчиба: *широко распространилось знание русского языка*. По нашим данным, русский хорошо знают арчинцы начиная с 1940-х гг. рождения. Следовательно, знание этого языка является более поздним приобретением, чем знание аварского: если арчинцев, не говорящих по-аварски, мы не обнаружили (по свидетельству А. Е. Кибрика, в 1968 г. такие еще были), то почти не говорящие по-русски встретились нам среди старшего поколения - до 1938-го года рождения. Русский язык, как и аварский, был выучен в школе. Одна из причин того, что русский позже вошел в обиход арчинцев, по-видимому, в том, что в первые годы существования советских школ на изучение русского выделялось немного часов. Другая, может быть, более важная причина - русский язык позже стал социальной необходимостью для населения: лишь в конце 1950-х гг. молодые арчинцы начинают уезжать из Арчиба, чтобы получить образование. Именно тогда, когда значимо возрастает мобильность арчинцев, русский язык становится действительно нужен.

В настоящий момент хорошее знание русского языка характерно практически для всех взрослых арчинцев моложе 60-ти лет. Что касается школьников, то их знание русского языка прямо коррелирует с тем, как они учатся - т.е. знание русского языка организовано примерно так же, как знание иностранного языка в жизни среднего российского школьника. Хорошее владение русским языком приобретается арчинцами уже после школы, когда они начинают выезжать за пределы своего района, попадая в армию или на учебу в большие города.

Итак, XX в. разрушил территориальную и, тем самым, языковую изолированность арчинцев. До настоящего времени, однако, сохраняется другой важный фактор обособленности культуры: арчинцы пока *не признают смешанных браков*. Брак с представителем другого народа считается исключительным случаем (жену из другого селения приходится брать вдовцам, поскольку, по свидетельству многих, арчинки не выходят замуж за вдовцов): "У них [у аварцев] в районе - куда хотят, и выходят, и женятся, куда бы ни забрали. А у нас не выдают. Ни за что. Ихние мы берем для стариков. Свои же не выдают" (Х., ж., 1966). Предпочтительным для арчинцев является брак с двоюродным братом или сестрой.

Этническая идентичность. Этническая самоидентификация арчинцев в настоящий момент является двойственной. Как этнос арчинцы (они говорят "арчибцы") не существуют для дагестанских властей. С того момента, как арчинцы получили паспорта, им была приписана национальность "аварец". На вопрос нашей анкеты "Кто вы по национальности?" были получены такие ответы: М. (ж., 1937): "В паспорт "аварцы" пишут"" А. (м., 1956): "Аварцем считают, я сам арчинец". Ж. (ж., 1957): ""Аварцы" говорят нам, "арчинцы" не говорят". Х. (ж., 1961): "Арчинкой быть хочу". Б. (м., 1965): "У нас пишут "аварец". - *А вы как себя считаете? Аварец вы?* - Конечно, получается вот так. Арчинец, но получается, что аварец". Х. (ж., 1963): "Арчинка. Но нас же считают аварцами!" Г. (м., 1979): "Аварец". - *Не арчинец?* - "В паспорте же "аварец" написано".

Ответы с очевидностью показывают расхождение между внешней и внутренней этнической идентификацией арчинцев: вопрос о национальности, как правило, ассоциируется с соответствующей графой в паспорте (в настоящий момент не существующей, однако еще далеко не забытой). Все полученные ответы содержат ссылку на внешнюю оценку этничности арчинцев или на несоответствие внутренней оценки с той, которую арчинцы понимают как "настоящую", - с официальной. Такой комментарий сложившейся ситуации дала Х. (1963): "У нас нету же такой нации - арчинцы. Просто среди аварцев мы арчинцы". Существенным в этой оценке является компонент "среди аварцев арчинцы": этничность "арчинцы" существует не только во внутреннем измерении - арчинцы могут быть аварцами лишь в широком дагестанском контексте, но в собственном районе они имеют особый статус, статус арчинцев: "В России мы дагестанцы, в Дагестане - аварцы, в Аварии - арчинцы..."

Отношение к аварскому языку и аварской идентичности. Важной точкой в системе этнических приверженностей арчинцев является их отношение к аварскому языку и приписанной им аварской идентичности.

Как отмечалось, знание аварского языка в настоящее время характерно для всех арчинцев, независимо от возраста. В то же время, с функциональной точки зрения, необходимости в знании аварского языка нет: арчинцы используют его в районе, а вне района основным языком общения является русский. Поскольку аварцы Чародинского района свободно владеют русским языком, для нужд общения арчинцам вполне хватило бы знания русского языка. Однако на вопрос, есть ли необходимость в изучении аварского языка, подавляющее большинство респондентов ответили положительно, хотя и подчеркнули, что знание русского языка является гораздо более важным. Наиболее частый аргумент: мы должны знать аварский язык, потому что мы аварцы. "*Нужно же знать свой язык. Нас же аварцами называют, не арчинцами*" (Ж., ж., 1973). Некоторые опрошенные дали комментарии к подобному ответу: говорить по-русски с аварцами - значит проявить неуважение, поскольку общение на русском внутри района воспринимается как демонстрация "гордости": "*Когда человек старше тебя, он говорит с тобой по-аварски. Если начнешь отвечать по-русски, вроде ты не уважаешь, что ли...*" (М., ж., 1983). Из этого комментария следует, что русский язык, по-видимому, обладает более высоким статусом, чем аварский, - говорить по-русски означает проявлять гордость, противопоставлять себя своим землякам.

Несколькими респондентами было высказано мнение о том, что для современных школьников знание аварского необязательно. Однако во всех случаях это соображение возникало не сразу, а лишь в ходе беседы с исследователем: "Действительно, и без аварского можно. С аварцами можно объясниться на русском языке. Аварский язык - это не наш родной язык. Это чужой язык. Не материнский... Можно на русском языке все. И аварского нам не надо" (Д., м., 1940).

В данном ответе, как видим, высказывается негативное отношение к аварскому языку. В ответах же других респондентов, особенно представителей старшего поколения, с той же энергией проявляется не просто лояльность к аварцам, но и стремление доказать свою принадлежность к аварскому народу. "Аварского языка кто не знает, тот, мне кажется, очень бедный человек. Это богатейшая литература, философская, какая угодно. И богословская, и лучшие образцы поэзии... Вообще аварский народ - это культурный народ. Но что больше меня тешит - это что мы, арчинцы, участвовали в создании того, что аварцы называют и естественно считают своим культурным достоянием...". (М., м., 1951). Что касается *молодых* арчинцев, то они более сдержанны в суждениях. Нередко высказывается осознанная индифферентность. Так, аварский язык, по утверждению респондента, ничем не выделен для него из ряда других дагестанских языков: "Я аварский вообще-то не отличаю от других дагестанских языков. Например, лезгинский или там кумыкский тоже полезно было бы знать" (М., ж., 1983).

Итак, в своих оценках навязанного им владения аварским старшие арчинцы нередко высказывают крайние точки зрения: от полного неприятия до подчеркнутого энтузиазма по поводу аварского языка. Молодые арчинцы либо демонстрируют безразличие, либо высказывают лояльность по отношению к аварскому.

Парадоксально, что хорошее владение аварским может оказываться причиной, по которой арчинцы не ощущают себя в аварском сообществе вполне своими. Дело в том, что арчинцы говорят не на том аварском, на котором говорят в Чародинском районе. Здесь распространен не литературный вариант аварского языка, а его карахский диалект. Между тем арчинцев обучают аварскому языку в школе. И все они, включая самых старших, говорят на литературном аварском языке. Диалектом владеют лишь те, кому приходилось работать в аварских селах. Отмеченное обстоятельство при желании оказывается аргументом в пользу полноценной принадлежности арчинцев к аварскому этносу. Арчинцы, по мнению М. (м., 1951), являются в некотором смысле лучшими аварцами, чем сами аварцы: они сохраняют чистый аварский язык: "Дело в том, что мы в Арчибе аварский язык знаем лучше, чем сами аварцы. Это у аварцев очень большая проблема. Потому что масса аварского народа живет в городах".

Наиболее распространенная точка зрения на *аварскую идентичность* состоит в том, что аварцем быть хорошо, потому что это известная и уважаемая в Дагестане нация, в отличие от арчинцев, которых никто не знает: "Просто нас как нацию не воспринимают. С одной стороны, это хорошо даже, что аварцами считают - не так изолированно получается. Раз нет никаких писателей, поэтов, кто бы мог представить нашу нацию, то хотя бы аварцы" (М., ж., 1983). Другой аргумент, который часто приводится "сторонниками" аварской этничности, можно сформулировать примерно так: хорошо, что не лезгинами. "Если бы нас к лезгинам относили, это плохо было бы" (Х., ж., 1984). "Чем лезгином, чем лакцем, чем даргинцем, я аварскую национальность хочу" (Х., ж., 1961).

Интервью свидетельствуют: среди представителей старшего поколения арчинцев обнаруживаются противоположные оценки: решительный отказ от ассоциации с аварцами или, наоборот, стремление к адаптации, к максимально полноценному воплощению именно этой идентичности. Молодое поколение воспринимает "аварскую проблему" менее остро.

1960-е - 70-е годы стали для арчинцев временем выхода в большой мир. До этого момента Арчиб был изолирован от внешнего мира, контакты с другими дагестанскими народами минимальны. По свидетельству очевидцев, еще в 1971 г. арчинцы значительно отличались от соседних народов своим внешним видом: женщины поголовно носили национальную одежду и традиционный головной убор, что тогда уже не было характерно для остального Дагестана. Воспоминания о том, какое впечатление производила "форма" (так по-русски называют арчинцы одежду) на окружающих, постоянно звучат в рассказах. "На нашу форму смотрят и удивляются" (М., ж., 1961). Вот ответ на вопрос "Как к вам относятся другие аварцы?" Сегодняшние молодые арчинки и арчинки среднего возраста уже не отличаются своей одеждой от жителей соседних сел: "Стеснение - это раньше было. Молодежь же все чухту [*традиционный головной убор*] одевали. А сейчас различать не могут" (С., ж., 1951).

В памяти арчинцев живы воспоминания о том, как они воспринимались соседними народами в момент "первого выхода в свет": отсталый народ в традиционной одежде, вызывающей насмешки, говорящий на никому не известном языке. Травма унижения, пережитая арчинцами в 1970-е годы, повлияла на отношение арчинцев старшего поколения к своему языку и этничности. *Представители старшего поколения чаще проявляют негативное отношение к арчинской идентичности.* Подобная линия поведения хорошо известна антропологам как модель "перехода": "Людам часто бывает необходимо избегать того, что воспринимается как негативная социальная идентичность. Большинство людей, совершающих "переход", в этом смысле настроены против группы, с которой их связывает общее происхождение" [6, с. 260].

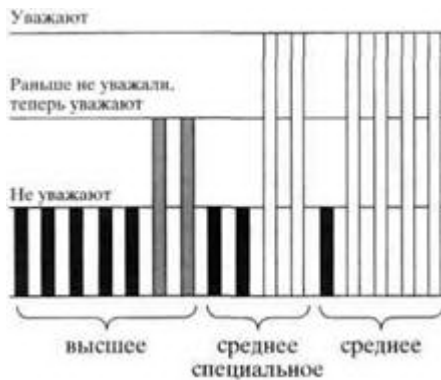
Основным фактором, определяющим языковые сдвиги, является отношение носителей языка к собственному языку и этносу - желание или нежелание говорить на материнском языке. Одним из вопросов, направленных на выявление отношения к своему языку, был вопрос "Нравится ли вам арчинский язык?". Немногочисленные отрицательные ответы были получены от арчинцев 1920-х - 1930-х гг. рождения. Негативная оценка - арчинский язык не нравится, потому что его никто не понимает - часто повторяется именно у представителей старшего поколения: "Русский язык хороший. Арчинский плохой. Русский все понимают, арчинский никто не понимает" (М., ж., 1937). Молодое поколение, более адаптированное к жизни вне Арчиба, способное общаться с внешним миром по крайней мере на двух языках (на аварском и русском), оценивает ту же самую особенность арчинского языка противоположным образом: "Нравится ли арчинский язык? Да. Потому что никто не понимает, интересно. Когда я разговариваю, например, с родителями по телефону... все интересуются, говорят, такой язык, такой язык" (Ш., ж., 1988).

Другой вопрос, выявивший разное отношение арчинцев к перспективам своей культуры, был сформулирован так: "Нужна ли арчинскому языку письменность?" Объяснить изменение отношения арчинцев к письменности в положительную сторону какими-то функциональными факторами не удастся. Арчинцы привыкли писать и читать на аварском и русском языках, и эта ситуация отторжения у них не вызывает. Молодые арчинцы, считающие, что им нужна письменность, не без труда находят аргументы в пользу ее необходимости. Наиболее частый комментарий к ответу - почему бы нет. Более веский довод - соображения национальной гордости: "Каждая национальность свою письменность имеет. Неплохо было бы, если б своя письменность была. Мы бы письма писали, песни писали, книги писали" (Х., ж., 1961).

Представители более старшего поколения, считающие, что в письменности нет нужды, объясняют свои позиции по-разному. Одни исходят из того, что перспективы арчинской культуры отсутствуют: "*Нужна ли арчинцам письменность!* - Не нужна. Эта нация не останется. Народность не останется. Перспективы никакой нету. Вы не чувствуете, что с каждым годом уже переселение началось, арчинцы растворятся. Ну язык, наверное... самое большее через пятьдесят-сто лет этот язык не останется. Вовсе не нужна письменность, для чего она? Газета не будет выходить, книги не будут выходить, так. Кто напишет книги - у нас нету ни писателей, ни поэтов, так... В Арчибе государственный язык - русский, вот русский язык - нормально. Без арчинского языка можно обходиться. - *Не жалко будет, если арчинский язык исчезнет?* - А-а, не жалко будет" (Д., м., 1940).

Мнение о том, что письменность арчинцам не нужна, аргументируется и противоположным образом. Арчинец М., кандидат исторических наук (м., 1951), не поддерживает идею создания письменности, поскольку письменность понимает как инструмент сохранения языка и культуры, а прямой угрозы арчинскому языку он не наблюдает: "Мне кажется, что это для нас, может быть, не очень актуально. И мне кажется, что народы, да, которые помешались по части того, что нужно свой театр создавать, свою письменность, там еще чего-то, абсолютно не понимая, насколько это связано с ресурсами, не понимая того, что уже российская федерация не финансирует аварский театр или аварскую газету... Они думают, что Москва будет им ... газету финансировать. Или Москве больше нечего делать, или это суперактуально, каких-нибудь там арчинцев содержать да газеты им издавать?" Заметим, что в обоих ответах, при всем их несходстве, заметна низкая оценка языка и культурного потенциала арчинцев.

У молодых арчинцев подобных оценок не встречается. Не проявляя сильных националистических чувств, они в целом лояльны по отношению к своей языковой и этни-

Отношение аварцев Чародинского района к арчинцам (в оценках респондентов)

ческой идентичности: им нравится арчинский язык, они принимают идею создания арчинской письменности.

Нужно отметить, что наиболее острые оценки языковых и этнических проблем принадлежат наиболее образованным представителям арчинского сообщества. Именно для них существует проблема аварской идентичности, они в наибольшей степени готовы к осознанию этнической обособленности арчинцев. Различие между более образованной и менее образованной частями арчинского сообщества проявилось в ответе на вопрос "Как относятся к арчинцам в районе?". Респонденты отчетливо разделились на тех, кто считает, что в Чародинском районе арчинцев уважают и считают за своих, и тех, кто ощущает пренебрежительное отношение к арчинцам со стороны аварцев. На рисунке (столбики означают интервьюируемых арчинцев) видно, что положительные и отрицательные оценки отчетливо коррелируют с уровнем образования.

На наш взгляд, уровень этнического самосознания в Арчибе не высок. Никакой националистической агрессии в настоящий момент не наблюдается, арчинцы в большинстве своем не озабочены этническими проблемами. Так, не увенчались успехом попытки обнаружить черты этнического стереотипа, отчетливого представления арчинцев о себе, собственной истории и происхождении. Этой теме был посвящен ряд вопросов: Какова история арчинцев? Откуда взялся арчинский язык? На какой язык похож арчинский?

Ответы показали, что у арчинцев отсутствуют единые, известные всем членам сообщества легенды о происхождении или истории арчинцев. Чаще всего респонденты говорят, что о происхождении арчинцев никто ничего не знает, причем подчеркивается, что не знали этого и предки. Более содержательный вариант ответа содержит предположение, что арчинцы являются смешанным народом: "Мой дед рассказывал, что тухумы [родственные группы у многих народов Кавказа] пришли откуда-то. Например, абкан нахир [название одного из тухумов], говорит, пришел с Афганистана. Он перечислял и говорил, вот этот тухум пришел оттуда, этот оттуда, так собрались - и придумали, наверное, наш арчинский язык. Каждый по-своему разговаривал, и придумали такой" (Б., м., 1965). Эта история, однако, не является общепризнанной среди арчинцев. Нет единства в ответах на вопрос о том, на какой другой язык похож арчинский. Самый частый ответ - ни на какой.

Итак, сообщество арчинцев является редким в современной России примером этноса, лишь недавно (30-40 лет назад) утратившего свою изолированность. Процессы глобализации, охватившие Дагестан, пока затронули арчинцев в самой незначительной степени. Предстоит ли им пройти путь ассимиляции, утраты собственного языка и культуры? Анализ этнических и языковых предпочтений арчинцев старшего поколения показывает, что для этого были предпосылки: для старших характерна негативная оценка своего языка и культуры и пессимистический взгляд на перспективы развития арчинского народа. Эти тенденции, однако, счастливым образом не успели от

рицательно отразиться на сохранности культуры, а новое поколение арчинцев обнаруживает иные настроения. Они лучше адаптированы к новым условиям жизни: владеют необходимыми для социального воплощения языками и защищены приписанной им аварской идентичностью. Исходя из отношения арчинцев к своему языку и культуре, можно прийти к заключению, что прямой опасности этому сообществу в настоящий момент нет. Вместе с тем, как представляется, процессы миграции (особенно молодежи) из Арчиба в город будут усиливаться; уменьшится рождаемость; с большой вероятностью возникнут смешанные браки. Выдержит ли этнос эти испытания - ответ на этот вопрос может дать лишь будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин Н. Б.* Языки народов Севера в 20 веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
2. *Сергеева Г. А.* Арчинцы. М.: Наука. 1967.
3. *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П., Самедов Д. С.* Опыт структурного описания арчинского языка. Тома 1 - 4. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
4. *Добрушина Н. Р.* Многоязычие в Дагестане, или зачем человеку три языка // Социологический журнал. 2007. N 1.
5. *Nikolayev S.L., Starostin S.A.* A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow. 1994.
6. *Де-Вос Дж.* Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос: Совр. психол. антропология / Под общ. ред. *А. А. Велика.* М.: Смысл, 2001.